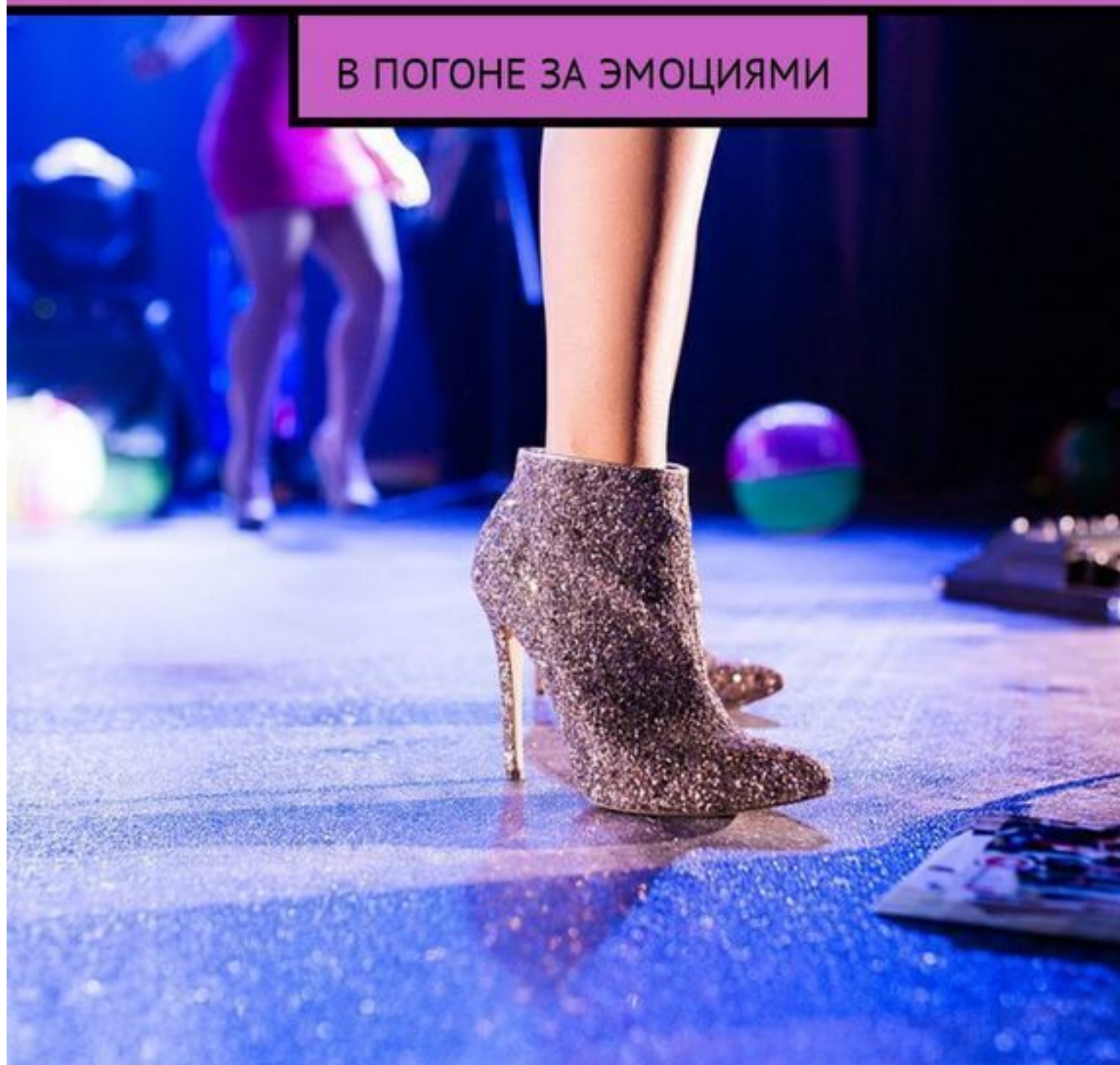

ОКСАНА КИРИЛЛОВА

Прямые солнечные лучи

В ПОГОНЕ ЗА ЭМОЦИЯМИ

Оксана Кириллова

**Прямые солнечные лучи.
В погоне за эмоциями**

«Издательские решения»

Кириллова О.

Прямые солнечные лучи. В погоне за эмоциями / О. Кириллова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740969-2

Лана совсем не похожа на своих легкомысленных родителей — она скромна, разумна, знает цену деньгам и равнодушна к развлечениям. Учеба на престижном факультете, интересное хобби, верная подруга — кажется, у девушки есть все для счастья. Случайное знакомство с представителем «золотой молодежи» Денисом открывает для Ланы неизведанный мир, в котором нет места искренним чувствам, зато каждый день — фейерверк ярких эмоций. Остаться в этом мире — значит потерять себя, но, может, этого ей и хочется?

ISBN 978-5-44-740969-2

© Кириллова О.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Прямые солнечные лучи В погоне за эмоциями

Оксана Кириллова

© Оксана Кириллова, 2017

ISBN 978-5-4474-0969-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

«Вам назначена машина Skoda Octavia»... Буквы на экране чужого телефона расплываются перед ее глазами, смысл текста до нее не доходит, и она одними губами повторяет: «Вам. Назначена. Машина». Через несколько минут она уедет. Куда? Точно. Домой.

– Собираемся! – кричит Нина и убирает мобильник в сумку. Она выпила так много – странно, что вообще смогла вызвать такси и по-прежнему стоит на ногах.

Лана окидывает взглядом посетителей клуба – в пять утра толпа заметно поредела, и опустевший танцпол выглядит тусклым и серым, точно заброшенная лепестками цветов сцена после ухода актеров за кулисы. Но он был здесь. Был?..

Она вызывает в памяти его образ, и он тотчас появляется перед ней во всех деталях – карие глаза, тонкие губы, смуглая кожа... Лана с облегчением вздыхает. Нет, она его не сочинила. Просто он... ушел. И они больше никогда не...

Она кладет холодную ладонь на лоб, будто пытаясь унять головную боль.

– Плохо? – смеется Нина.

Лана отвечает что-то невразумительно-отрицательное.

– Ты в гардероб идешь?

– Да.

Нина и ее хохочущие подружки, тоже далеко не трезвые, переобуваются из лаковых туфель на шпильках в поношенные весенние сапоги, набрасывают куртки поверх коротких ярких платиц, вяжут вокруг шеи теплые шарфы. Лана машинально застегивает пуговицы пальто, делает несколько глубоких вдохов и выдохов.

«Так. Ладно. Отвлекись. Подумай о чем-нибудь... другом».

Когда происходило что-то неприятное – украли кошелек, сломался каблук, не вышло получить зачет «автоматом», – Лана всегда старалась сосредоточиться на главном: она жива и здорова, ее близкие тоже, остальное – мелочи. А потом она мысленно возвращалась туда, где ей было хорошо – это уже завершающий штрих терапии, после которого ее обычно отпускало.

В этот раз – не срабатывает. На несколько секунд она зависает, в голове – ни одной приятной сцены из прошлого, да что там, ни одной сцены вообще. Пустота. Но постепенно из глубины сознания выплывают факты, образы, имена. И моменты, еще недавно казавшиеся ей счастливыми.

Глава 1

Апрель

Четыре дня назад

Прохладный весенний день медленно, но верно клонился к закату. Было около семнадцати часов, когда они подошли к арке скромной пятиэтажки неподалеку от центра города. Двор вошел в городскую программу благоустройства территорий, поэтому сейчас там усиленно трудились рабочие. Их громкие голоса и шум какой-то большегрузной техники были слышны уже из арки.

– Готовься к преодолению препятствий, – с улыбкой сказала она.

– Каких? – очнулся он от своих мыслей. По иронии судьбы, как раз в этот момент он размышлял (увы, это свойственно человеческой природе даже в самые счастливые моменты жизни) о том, что у них все складывается слишком хорошо. Неправдоподобно даже. Не испортить бы. Он постоянно ругал себя за такие мысли и гнал их подальше, а они все возвращались, застилая горизонт не то чтобы грозowymi тучами, но сероватыми облаками.

– Ну как... перепрыгивание с одного фрагмента асфальта на другой, через ямы... – принялась весело перечислять Лана.

Дима посмотрел в ее насмешливые, нежные глаза и снова устыдился: она наслаждается жизнью, радуется их встречам, а он...

– Разве ж это препятствие. Главное, чтобы... – Дима не договорил – едва войдя в арку, привлек ее к себе, коснулся губами ее губ, вдохнул тонкий, едва осязаемый запах ее волос.

– Я знаю, что главное... – шепнула она.

– Может, в апреле?..

Лана усмехнулась – так и знала, что он это произнесет. Свадьба. Отдаленная перспектива, обсуждения которой пока только приятно будоражили. Он сделал ей предложение год назад – она согласилась без колебаний, но оба понимали, что сначала нужно окончить институт, устроиться на работу и более или менее встать на ноги. До этого было еще далеко – два-три года как минимум, – а пока они могли бесконечно долго определяться с месяцем бракосочетания. В этом было что-то комичное – не знать год, но спорить насчет месяца, – однако такие обсуждения стали для обоих чем-то вроде милой любовной игры.

– Ох, не знаю. Если только попозже, ближе к маю. – Правила игры диктовали хоть какие-то возражения – на самом деле у Ланы их не было. Она всегда считала апрель (особенно его начало) самым многообещающим, пусть и нестабильным временем года: деревья еще голые, солнце не теплое, в любой момент может начаться снег, но при этом смутно ожидаешь чуда: вот завтра... или через неделю... Разве не похоже на начало семейной жизни – и неустойчиво пока, и захватывающе? Странно, но в последние годы Лана не радовалась весне так, как обычно. Может, потому что в ее жизни все было почти безупречно – приход весны лишь вносил пару изящных штрихов в ее без того полную картину мира.

– Я склоняюсь к сентябрю, – все же решила добавить она и задорно посмотрела на Диму, ожидая бурной реакции. Не зря.

– Сентябрь? Дождливый и грустный месяц, ну какая там свадьба! Апрель куда лучше. Идеальное время!

– Только что для тебя был идеальным март.

– Ну да, я люблю природу во всех ее проявлениях! И тебе того же желаю.

Двор, как и ожидалось, представлял собой иллюстрацию гибели Помпеи – каждый день его перекапывали все больше. Рабочие с улыбкой поздоровались и пропустили ребят. В дверях подъезда красовалась расхлябанная фигура семнадцатилетней Ланиной соседки Нины

в домашнем халате. Молодая покорительница сердец (как, по крайней мере, думала она сама) по своему обыкновению вышла покурить.

– Приве-ет. – Она поздоровалась чересчур даже любезно – ясно, из-за Димы. Не то чтобы она хотела его увести – да ей бы вряд ли удалось, – но при его появлении в ее голосе всегда звучали какие-то особенные, жеманные нотки. Пожалуй, красавцем он не был – парень как парень, русский, сероглазый, не очень высокий, крепенький, таких сотни, – зато его характер внушал Нине чуть ли не благоговение. Они с Ланой были соседками уже лет шесть и не то чтобы близко дружили – так, поболтают на лестничной клетке да зайдут друг к другу на чай в плохую погоду. Секретничать было не в их правилах. Но фрагментарные описания и счастливые улыбки Ланы сформировали у Нины впечатление о Диме как об идеальном кавалере: неглупый, понимающий, верный, провожает, цветы дарит, предложение сделал... «Ты за него держись – таких встречают раз в жизни, да и то не все», – нравучала Нина, а Лана только смеялась. Мало того что она не собиралась ни за кого держаться, так еще соседка была последней, к чьим советам Лане хотелось бы прислушаться. Поиски идеального парня Нина начала чуть ли не с пеленок (собеседования, а со временем и иные способы тестирования кандидатов занимали большую часть ее свободного времени и мыслей), причем никто не задерживался с ней дольше чем на месяц. Уже сама длительность отношений Ланы и Димы – два года – казалась Нине чем-то из области фантастики.

– Что, пары закончились? – Соседке хотелось подольше поболтать – может, даже погреться в лучах чужого счастья.

– Ага, уже отдыхаем, – улыбнулась Лана.

Дима кивнул и сразу же отвернулся – он буквально не переносил Нину. Ограниченные, пустые люди вызывали в нем отторжение. Впрочем, подчеркнутая интеллектуальность его тоже настораживала – нравились интересные и многогранные натуры, те, кто впитывает жизнь как губку, не застревая в своем узком мирке. Такой, по его мнению, была Лана.

– Смотрите, теперь шагу из подъезда не ступишь, – продолжала Нина, не обращая внимания на реакцию Димы. – Все порушили.

– Зато скоро у нас будет все чисто и аккуратно. Сможешь наконец на каблучицах своих спокойно ходить, – обнадежила Лана. – Так, мы побежали, а то еще ужин готовить...

– Погоди. Дело есть.

Дима ухмыльнулся.

– М-м, хорошо, давай потом обсудим, – сдержанно отреагировала Лана.

– Вечером зайди.

– Ладно.

– Ну, удачи. – Нина нехотя пропустила Лану с Димой. Взбежав вверх по ступенькам, он пробормотал:

– Боже, какие могут быть дела у этой?..

– Ты к ней слишком строг. Нормальная девчонка, у нее немножко ветер в голове...

– «Немножко», ага.

– Хватит бурчать. И вообще, не думай о ней, пока я рядом.

– С удовольствием...

Об ужине они вспомнили только через час – все это время просто самозабвенно обнимались, целовались и шептали друг другу ласковые слова. Они свернулись калачиком в кресле – у обоих быстро затекли шея и ноги, колючая щетина Димы немного царапала подбородок Ланы, но влюбленные не обращали внимания на эти мелочи. Слишком ценили время, проведенное наедине. Интимных отношений у них пока не было – оба считали, что вся жизнь впереди, незачем спешить. Да, Дима в душе признавал, что по современным меркам такое решение довольно странно (как-никак, обоим уже по двадцать!), но как можно было сравнивать Лану с остальными? Такая легкая, воздушная, естественная, невинная (причем со зна-

ком плюс – не унылая недотрога, а чистая, неиспорченная девушка) ... Покоренный ею с первого взгляда, Дима больше полугода ограничивался провожаниями и дружескими звонками, обычно по учебным поводам, и не решался даже прикоснуться к Лане, нарушить ее безмятежный покой. В конце концов собрался с духом и предложил ей встречаться – официально, в романтической обстановке, по всем правилам. Чувствовал себя глуповато: вдруг она удивится, засмеется, так ведь давно уже никто не поступает, многие просто берут и целуют девушку, а то и сразу пытаются соблазнить. А Лана, нисколько не смущаясь, с улыбкой ответила: «Я согласна». То же самое и тем же уверенным тоном она сказала Диме через год, когда он сделал ей предложение...

– Господи, уже шесть. Вера с Мишей вот-вот вернутся. С тобой все на свете забудешь... – Лана еще раз поцеловала парня и решительно вылезла из кресла.

– Тебе помочь с ужином? – Не без сожаления выпустив ее, спросил Дима.

– Не-ет, солнце, я лучше одна, мне так легче, честно. Сам ведь знаешь.

– Ты такая хозяйственная – повезет же мне с женой.

– А, все ясно, ты женишься на мне по расчету.

– Конечно, а ты как думала? Готовишь хорошо, аккуратная, пунктуальная, бережливая – где я еще такую найду? Нет, даже не думай от меня отделаться.

– Честно говоря, уже смирилась, что придется терпеть тебя всю оставшуюся жизнь.

– Скорее бы уже, а... – вырвалось у Димы.

– Не переживай. Время идет только вперед, рано или поздно мы будем у цели.

– Хорошо сказано, но неужели тебя это и правда греет?

– Когда я чего-то жду – да, греет. Я говорю себе: раз я знаю, что это все равно произойдет, значит, точно дождусь. Было бы куда хуже, если бы жизнь могла то нестись вперед, то внезапно останавливаться, а то и вовсе разворачиваться назад.

– По-моему, она все-таки способна на подобные фокусы. У меня иногда возникает ощущение, что время вообще не движется – например, когда я сижу на паре и рядом нет тебя... или когда считаю минуты до нашей встречи. А бывает, пролетает... как вот сейчас!

– Так, прекращаем болтать, пошли на кухню. Надеюсь, мясо уже разморозилось...

– Я, значит, как обычно, должен сидеть сложа руки и любоваться тобой?

– А что тебя не устраивает? Ладно, если хочешь, почитай мне что-нибудь вслух.

– Другое дело, – шутливо проворчал Дима. – Я смотрю, у тебя тут томик... э-э-э... «Полезных советов по уходу за комнатными растениями». Думаю, тебе будет интересно.

– Только закладку не вырони, я не дочитала про дипладению! Хочу себе это растение, оно начинает цвести совсем молодым, а цветки такие нежно-розовые, похожие на... ой, я знаю, что тебе скучно.

– Вот и нет, ты не умеешь быть скучной.

– И не планирую в ближайшее время приобретать этот навык. Но все-таки комнатные растения интересуют, кажется, меня одну в целом свете...

Лана спрятала длинные волосы под косынку, достала из шкафчика сковороду, из холодильника – подсолнечное масло, мясо, овощи.

– Только не очень-то удобно будет тебе перекрикивать шум воды, шкварчание масла и все такое, – осенило ее.

– Да ерунда, – махнул рукой Дима. – Я уже настроился приобщиться к секретам растениеводства, весь трепещу. Чем хороши такие книги – их можно читать с любого места. Просто открываешь – и...

– Кстати, неплохая идея, – воодушевилась Лана. – Давай погадаем. Задавай вопрос, назови страницу и строчку. Будет забавно.

– Хм. Ну, давай. Ты первая.

- Ла-адно... – Задумавшись на секунду, Лана как-то угрожающе застыла с разделочным ножом в руке, после чего выдала:
- Что ожидает меня в ближайшее время?

Глава 2

– Отличный вопрос, – заметил Дима, – можно будет быстро проверить правильность предсказания... которое написано на странице...?

– Сто тридцать два, седьмая строка сверху, – наугад выпалила Лана.

– «Эрику покупают в цвету и после окончания цветения выбрасывают», – продекламировал парень. – И что бы это значило?

– Да, у этого растения цветки довольно быстро опадают... Уж не знаю, как такое трактовать. Наверное, грядет что-то малоприятное, – весело заметила Лана.

– Хватит тебе, – на всякий случай возразил парень. – Хочешь спросить еще?

– Ну... Открой просто наугад.

– Хорошо... – Дима снова уткнулся в книгу. – Интересная фраза. «Особенно губительны прямые солнечные лучи».

– А очень жаль, как раз только-только начинает пригревать, – еще больше развеселилась Лана. – Давай-ка теперь ты себе погадай.

– Так. Ого! «Высокорослые кордилины как одиночные растения в кадках». Понятия не имею, что такое кордилины, но слово «одиночные» меня напрягает, – заявил Дима. – У тебя книга-пессимист: мне одиночество предрекает, тебя предупреждает о каком-то окончании цветения и не разрешает на солнце выходить... Лучше закроем ее и найдем более позитивную литературу для гадания.

– Поздно. Мое настроение безнадежно испорчено. – Лана внезапно обернулась и, к своему ужасу, Дима увидел, что ее лицо залито слезами.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, и тут до него запоздало дошло, что девушка просто режет лук.

– Поверил! Какой ты милый! – воскликнула она со смехом.

– Тьфу, – выдохнул он. – Напугала. Я думал, ты правда из-за предсказания...

– Ха-а, вот еще. Мне одна гадалка знаешь какую чушь говорила...

– Ты ходила к гадалке?!

– Ага, Нина затащила. Одной ей было страшно, а очень уж хотелось знать, как к ней относится очередной... воздыхатель.

– Бр-р.

– Все, все, расслабься.

– И что тебе наговорили?

– Да чушь. Уже и не помню.

– Все ты помнишь, просто рассказывать не желаешь! Может, нагадали, что ты убьешь своего мужа...

– Угадал, такое не исключено – гадалка добавила, что многое зависит от того, как этот муж будет себя вести!

За беззаботной болтовней Лана даже не заметила, как приготовила полный ужин – мясо с салатом и компот (Дима даже смог настоять на том, чтобы помочь нарезать овощи). Для Ланы это было далеко не дебют в кулинарии, но волновалась она каждый раз как в первый – вроде попробовала и все в порядке, но вдруг что-то недоварилось, подгорело, пересолено – и искренне радовалась, когда дядя с тетей хвалили ее еду. Поэтому, выключив под сковородой и кастрюлей с компотом газ и присев на табуретку рядом с Димой, она смотрела на часы теперь уже не с тревогой, а с нетерпением.

– Что, ждешь, пока я уйду? – пошутил Дима, отлично знавший ее особенности.

– Бог с тобой, Вера с Мишей тебя еще и остаться на ужин заставят, – рассеянно отозвалась Лана.

- Пусть и не уговаривают. Не хочу никого объедать...
- Не в блокадном Ленинграде живем.
- Да и маму обижать не буду – она тоже для меня готовит, старается.
- А это весомый аргумент, понимаю. Его и приведешь Вере с Мишей.

Вот и звон ключа в замке. Дядя с тетей возвращаются с работы всегда вместе. Еще немного – и они втроем (раз уж Дима уходит) сядут за стол, станут разговаривать за едой, делиться впечатлениями от прошедшего дня. И это будет вовсе не обязательный отчет, а непринужденная дружеская беседа.

Лана иногда даже радовалась, что живет не в стандартной семье – с мамой и папой. Там, может, были бы какие-то недопонимания, нравоучения иногда. Вера с Мишей ее, разумеется, воспитывали (все-таки растили с трех лет), но ненавязчиво, претендуя на роль скорее старших товарищей, чем надзирателей.

История о том, как Лана попала к дяде с тетей, напоминала ей самой то ли сюжет романа, то ли киносценарий. Вначале – классический расклад, узнаваемые персонажи. Одинокая измотанная мать, растящая одна двух дочек (муж ушел, когда она была беременна младшей) и работающая не покладая рук – в сорок лет бедняжка выглядит на пятьдесят пять. Старшая дочь Вера – мягкая, ласковая, деликатная, во всех отношениях положительная, хорошо учится, помогает матери чем может. Младшая Аня – капризная, никого не слушается, прогуливает школу, лет с одиннадцати допоздна гуляет с мальчиками и вечно недовольна материальным положением семьи. Ей хочется наряжаться, блистать, путешествовать (поездки в Крым раз в пару лет явно не котируются). Она мечтает о роскошной жизни, хотя живет в условиях дефицита в Советском Союзе и сравнивать ей, в общем-то, не с чем. «Аня меня в могилу сведет», – частенько повторяет мать, даже не подозревая, что буквально предсказывает будущее. Вера устраивает свою жизнь как все «хорошие девочки» – заканчивает с отличием университет, встречается умного и интеллигентного парня, создает семью, работает по специальности. А Аня... ей судьба преподносит грандиозный подарок – любовь, которая меняет всю ее жизнь. Обаятельный двадцатисемилетний милаха не слишком честным путем набил кошелек и ни в чем себе не отказывает. Аня покоряет его красотой и беспечной легкостью, которая свойственна ему самому. Долго добиваться ее благосклонности не приходится – в отличие от сестры, она не слишком заботится о таких пустяках, как девичья честь. Еще не зарегистрировав брак, эта эффектная пара объезжает полмира, останавливаясь в дорожных отелях и посещая шикарные светские тусовки. Когда в разгар праздника жизни Аня обнаруживает, что беременна, они быстренько расписываются в России и уезжают веселиться куда-то на озера. Дочка получает экзотическое имя Милана – в память о городе, в котором была зачата. Повозившись с ней буквально полгода, родители «дарят» ее бабушке, матери Ани и Веры. С младенцем нельзя пойти в ночной клуб, на рок-концерт и модную вечеринку, – а значит, он явно лишний в идиллии молодых. Так рассуждает не только совсем юная и ветреная Аня, но и ее взрослый муж. Его психологический возраст едва ли намного превышает ее фактический – разбогатев, он с жаром спешит восполнить пробелы дефицитной юности и, кажется, не замечает, что ему давно не восемнадцать...

Бабушка души не чает в Милане, однако зятя так и не принимает, отказывается от подарков, которые Аня покупает ей за границу на его деньги. Но Аню не сильно заботит отношение матери. Ее вообще ничто не заботит, она совершенно счастлива. Как и муж, она старается взять от жизни все. И фортуна благосклонна к молодым авантюристам. Но дальше сюжет поворачивается неожиданно: взамен на свое недолгое расположение судьба забирает... их жизни.

О том, что самолет, в котором супруги летели на очередной курорт, разбился, бабушка Миланы узнает из вечернего выпуска новостей, сидя на диване с трехлетней внучкой на коленях. Слышит, издает тихий вскрик, хватается за сердце и откидывается на спинку дивана...

Спустя полчаса, тоже узнав страшную новость, Вера бросается звонить матери, но трубку не берут. Забеспокоившись, Вера мчится к ней и находит ее мертвой. Маленькая Милана сидит рядом на полу и играет в кубики.

– Я позабочусь о тебе, малышка, – будто в тумане, оглушенная произошедшим, произносит Вера – и, как всегда, сдерживает свое слово...

Они с мужем забирают девочку к себе и растят ее в атмосфере любви – пусть довольно сдержанной – и взаимопонимания. Вот и все, конец. Может, для сказки и не совсем хэппи-энд (все-таки слишком много народу погибло), а для жизни – вполне себе хэппи: круглой сироте Лане удалось устроиться наилучшим образом. Хотя, конечно, в редкие минуты – особенно в детстве – ей не хватало именно материнской ласки.

Вера с Мишей никогда не высказывалась о погибшей в дурном тоне, но как-то очень грамотно давали Лане понять, что покойная родительница – не пример для подражания. Лана и не подозревала, насколько Вера боялась, что у племянницы проявятся нежелательные гены, но, к счастью, этого не произошло. Лана была совершенно равнодушна к тряпкам и украшениям, почти не пользовалась косметикой, сдержанно вела себя с парнями, никогда не капризничала. Девушка не считала, что дядя с тетей ей что-то должны, рано усвоила понятие «взаимопомощь». Когда в семье были проблемы с деньгами, Лана нашла подработку в цветочном магазине неподалеку от дома. Ей тогда было всего шестнадцать. И в вуз она поступила бесплатно – занималась одна, без репетиторов, не спала ночами. Главное, чему научила ее жизнь – если чего-то хочешь, добейся этого сам.

Учеба на первом курсе модного языкового факультета, вместе с десятками богатеньких, мнивших себя крутыми девчонок, нисколько не изменила шкалу ценностей Ланы. В этой многоголовой гламурной толпе она не только не потеряла себя, но даже умудрилась найти двух близких по духу людей – Диму и умницу Сашу, которая почти сразу стала ее лучшей подругой. В общем, снова повезло...

– Привет! – донеслось из коридора. – Вкусно пахнет... Надеюсь, Дима, ты останешься на ужин?

– К сожалению, нет, – пробормотал парень. – Мне надо... м-м...

– Его мама ждет. У нее свои кулинарные достижения, уж получше моих, – с улыбкой пришла на помощь Лана.

– Как жаль. Ну, надеюсь, хотя бы чаю с нами выпьешь на днях. – Вера переобулась.

– Да, конечно! – обрадовался Дима (обижать дядю и тетю Ланы, с которыми он давно и хорошо общался, ему не хотелось). – А сейчас, пожалуй, пойду.

Вера с Мишей прошли на кухню, Лана с Димой – в коридор. Он надел пальто, они спешно обнялись у двери.

– Некоторые блюда ты готовишь лучше мамы, – прошептал Дима, она засмеялась:

– Разве что некоторые...

– Но вот блинчики она, извини, делает вкуснее всех. Помнишь про ее приглашение в понедельник?

– Как забыть! Уже не терпится.

– Побегу.

– Давай...

– Люблю.

– И я тебя...

Дверь закрылась, и Миша крикнул из кухни:

– Я попробовал! Боже, какое мясо! Просто пища богов.

– Слава Богу, – улыбнулась Лана, и на душе у нее сразу стало совсем легко.

Глава 3

Просьба Нины зайти к ней совершенно вылетела у Ланы из головы. После ужина она помогла Вере с посудой, пересадила два кактуса (неделю уже собиралась), поболтала по телефону с Димой, почитала немного, пролиставла конспекты к завтрашнему тесту в институте... Кончилось тем, что часов в десять вечера, решив выбросить внезапно катастрофически переполнившийся мусорный пакет, она столкнулась с соседкой случайно. Та снова посвящала себя курению, или предавалась ему – можно выразиться как угодно, главное, что она не просто дымила, а с упоением выполняла эту процедуру как некий обряд. Без сигарет Нина жизни не мыслила – кажется, даже смотрелась без них негармонично, как Чарли Чаплин без котелка или Боярский без шляпы.

– Ты здесь, здорово, – протянула Нина. – Я уж думала, забудешь.

– Да Боже упаси, – отреагировала Лана. – Ты хотела поговорить, я помню. По какому-то делу.

– Верно. Хочешь, давай прямо здесь обсудим. – Нина с упоением затянулась дымом, швырнула докуренную сигарету с лестницы и достала следующую. – Блин, так неохота было на улицу выходить, а теперь мать дым учует. Вот точно тебе говорю.

– Ты это собиралась обсудить?

– Не-е. Мне тут на днях восемнадцать стукнет...

– Я в курсе, дорогая. Появились пожелания насчет презента? – На самом деле Лана обо- жала готовить подарки заранее, и шикарные духи для Нины ждали своего часа уже недели три. Но, если бы та попросила что-то еще, Лана бы не отказала – восемнадцатилетие все-таки.

– А ты не купила мне ничего, негодница? Нет, я не об этом. Моя мечта сбылась. Буду отмечать в клубе. Причем «легально» – мать разрешила, даже дала деньги, чтобы я столик заказала. Говорит «ну ладно, раз в жизни и там можно повеселиться» – знала бы она, как я туда ночью сбегала! – хохотнула Нина, и вторая сигарета полетела вслед за первой. Чистота подъезда девушку мало заботила.

– Господи, я с ума схожу от клубов! – продолжала она в упоении. – Музыка, танцы, алкоголь, мальчики – столько мальчиков! О-ох, ты должна это увидеть!

– Я? – переспросила Лана.

– Ну конечно, а ты думала, зачем я тебе все это рассказываю? В субботу в одиннадцать зайду за тобой, отказ не принимается.

«Боже. Только не это». Лана на секунду представила себе ночное «веселье» с пьяными подружками Нины под грохочущую музыку, и ее передернуло. Она ни разу не бывала в ночном клубе и в принципе допускала, что кому-то такой формат развлечений может нравиться, но не ей. Она чувствовала бы себя там как городской человек в джунглях.

– Солнце, давай я лучше поздравлю тебя накануне, а потом ты пойдешь веселиться уже без меня. Я... не люблю я эту суету. – «Ну вот, вроде бы получилось достаточно мягко. Только ведь Нину этим не проймешь – она особа не из тонких и понимающих, сейчас еще полчаса будет уговаривать».

– Суету?! О-о, вы посмотрите на нее, эта девушка ничего не смыслит в этой жизни! Значит так, откажешься – ты мне больше не друг, поняла?

«Совсем по-детски. Неужели ей исполняется не десять?»

– Нинусь... – Лана уже готова была перейти на сюсюкающие нотки.

– Ну Лан! Ты же никогда не пропускаешь моих дней рождения! – еще сильнее закапризничала Нина.

– Ты дома отмечала...

– Маленькая была! А теперь ого-го. Восемнадцать! – Судя по тону, она считала столь «солидный» возраст своей большой заслугой.

– Ты очень взрослая, – покровительственно улыбнулась Лана. – И замечательно, что мама разрешила тебе отмечать как ты хочешь. Но, прости, не для меня это.

– Я умоляю тебя! Умоляю! Хочешь, на колени встану? Тьфу, подъезд грязный, все сорят и сорят... – Нина действительно начала опускаться на колени – Лана едва успела остановить ее.

– Хорошо, хорошо, я подумаю!

– Хотя бы ненадолго, ты же можешь уехать, когда надоест...

«Ага, через три минуты».

– Так, давай вернемся к этому вопросу потом. Сейчас я хочу спать, – подвела черту Лана, для пушей убедительности зевнув в кулачок.

Нина бросила на нее неодобрительный взгляд, будто не понимала, как люди могут заниматься такой чепухой как сон, и настороженно отозвалась:

– Ну, думай. Завтра спрошу.

– Завтра только среда, до выходных куча времени...

– И что, все равно! Мне же надо знать.

В этот момент дверь в квартиру Нины приоткрылась, и из-за нее высунулась слегка растрепанная голова ее матери.

– Добрый вечер, Ланочка... Дочь, я уж думала, ты куришь опять!

– Мамочка, я же сказала, что бросила, – пропищала Нина, зажав в ладони зажигалку (пачка сигарет из кармана халата почти не высывалась).

– А я чувствую запах дыма – это точно не ты?..

– Соседи, мамуль, вечно дымят, еще и окурки кидают. Меня саму бесит и вот Лану тоже...

– Смотри мне! Узнаю – никаких клубов!.. Очень мне боязно ее отпускать, Ланочка, только вот на тебя и рассчитываю – ты человек адекватный, не дашь этой сорвиголове глупостей натворить. Проследи за ней, ладно?

Мать Нины смотрела на Лану с такой надеждой, что той ничего не оставалось, кроме как кивнуть:

– Конечно, тетя Люба. Можете не волноваться.

... – Ну, в конце концов, ты ей не нянька. Не будешь же ты мотаться за ней до утра по пятам. – В голосе Веры отчетливо прозвучали вопросительные нотки.

– Нет, разумеется. Но пойти придется. – Бросив беглый взгляд в зеркало, Лана вздохнула:

– Ничего, если я не буду краситься? Неохота. Все это смывать потом, ночью, да и смысл...

Она не злоупотребляла косметикой – могла использовать пудру и помаду, иногда немного румян – и все. Не возилась с тенями, подводкой, хайлайтерами и прочей ерундой.

– Не красься, ты и так очень даже хороша, – заметил Миша.

– Твой мужской вердикт внушает доверие, – хохотнула Лана, – но не хотелось бы выглядеть совсем уж серой мышью – вечеринка все-таки.

– Я умею рисовать «стрелки», – сообщила Вера. – Не слишком густые, но элегантные...

– Ох, ничего себе. Давай. Никогда не видела тебя со «стрелками» – на ком тренировалась? – заинтересовалась Лана.

– Да в молодости... модно было. Красилась так иногда, – скромно отозвалась тетя.

– Я уж думала, маму красила.

– Мама твоя сама все умела – и даже больше, чем нужно... ладно, молчу. – Миша поймал предостерегающий взгляд жены и поспешил переменить тему:

– Сочувствую, Лан. Нет ничего хуже веселья из-под палки. Ты побыстрее возвращайся с этого... праздника жизни. Не нянчись там ни с кем – как устанешь, вызывай такси.

– Да, смотри, туда и обратно – только на такси, – подхватила Вера. – Не гуляй ночью, тем более, одна.

– Само собой, – пожалала плечами Лана.

Приступив к раскрашиванию второго глаза племянницы, Вера промолчала и призналась:

– Даже не представляю, что тебе еще сказать. Сама взрослая и умная.

– В подобных случаях обычно рекомендуют не пить много, не знакомиться с подозрительными типами, не пробовать наркотики... – встрял Миша.

– Так и быть, в этот раз не буду. Хотя своими ограничениями вы обрекаете меня на невыносимую скуку, – в тон ему ответила Лана.

– Это не мы обрекаем, а Нина... о, в дверь звонят, вот и она, наверное. – Вера с недоумением воззрилась на часы. – Десять сорок – обещала же в одиннадцать прийти...

– Да ладно. Я уже собралась, может, быстрее отмучаюсь.

Тетя закончила красить Лане глаза, и та, снова заглянув в зеркало, обрадовалась:

– Так намного лучше, спасибо! Эх, все, побежала. До скорого... надеюсь.

– Давай, удачи, – почти хором отозвались домочадцы.

На пороге, действительно, стояла Нина.

– Ну что, готова? – Она окинула Лану (в черной кофте с небольшим вырезом и обтягивающих джинсах, с гладкой прической и красивым, но не слишком броским макияжем) то ли сочувственным, то ли насмешливым взглядом. Сама именинница была наряжена и мерцала, как новогодняя елка. Наверное, надо было сделать комплимент, но у Ланы как-то язык не повернулся. Она сказала просто:

– Привет... да, готова.

– Тогда пошли скорее. Не терпится покурить, – заявила Нина.

– В подъезде или на улице?

– На улице, конечно. В подъезде слишком опасно. – Нина огляделась по сторонам, словно тайный агент, – а ведь всего лишь скрывалась от родной матери, обещавшей не пустить ее в клуб, если она «снова закурит». Теперь, когда до вожделенного веселья рукой подать, так бездарно все испортить было бы просто невыносимо.

Лана перекинула через плечо маленькую сумочку, бросила последний взгляд в зеркало, вышла, заперла дверь и пообещала себе, что постарается получить хоть немного удовольствия. В конце концов, почему бы и нет. Надо когда-то пробовать новое...

Глава 4

Двор все еще находился в «разобранном» состоянии и местами был даже огорожен. Но Нина на удивление шустро обошла перекопанные участки на высоченных шпильках, а Лана, семена следом в сапожках на крошечном каблучке, только дивилась, как это соседка умудрилась развить такую скорость.

– Я в интернете нашла специальный тренинг, как ходить на высоких каблуках. А то у меня вечно получалось как на ходулях. Зато теперь я вообще монстр, – тут же раскрыла загадку Нина и, остановившись прямо в арке, достала сигарету. – Уф, наконец-то можно.

– А где нас ждет такси? – спросила Лана.

– Какое еще такси, зачем? Ты же не против прогуляться? С моими девчонками встретимся у супермаркета.

– Супермаркет?..

– Ну, выпивку надо взять, не трезвыми же идти, да еще в такой день.

– Трезвыми? Боже упаси.

Лане хотелось рассмеяться, но почему-то не получалось: она ощущала неясную досаду и еще менее объяснимую тяжесть на душе. «Ла-адно тебе, все будет отлично, вот увидишь. Полюбишься на сверстников, которые умеют отдыхать лучше, чем ты». – «Нет, это будет просто испорченная ночь, которой мне уже сейчас жаль. Можешь считать меня какой угодно занудой». – «Зануда». – «Я предупреждала». В голове Ланы (в чем она никому и никогда не призналась бы) всегда жил образ матери – легкий, почти невесомый – и периодически общался с ней. Разумеется, этот образ сгенерировало воображение Ланы, и она сама вполне допускала, что с ее покойной матерью он не имеет ничего общего – в конечном итоге, это был всего лишь невидимый друг, какого сочиняют себе дети, просто ее игра, наверное, немного затянулась. Но почему бы и нет. Лана все равно не могла знать наверняка, что сказала бы в том или ином случае мать, зато ее «душа», как бы с интересом следя за жизнью дочери, периодически вносила свои комментарии – как правило, уместные. Обычно «мать» призывала Лану расслабиться, не волноваться по пустякам, поступить как подсказывает сердце. Такие советы иногда необходимы любому – и неважно, кто тебе их дает: ты сам или придуманный образ.

– Так ты будешь с нами пить, я надеюсь? – напомнила о себе Нина.

– Да. Немного, – решила Лана.

– Отлично. Ведь можешь быть веселой, если захочешь. Кстати, я побрызгалась духами, которые ты подарила днем – чувствуешь?

– Ага. Здорово. – Лана ощущала только запах дыма.

«Зря ты вообще тратилась ей на духи. От нее все равно всегда пахнет сигаретами. Забавный просчет, да?.. Эй, очнись. Почему ты так напряжена? Не терпится вернуться в свой привычный мирок – тетя с дядей, книги, пыльные комнатные растения и все такое?..» – «Да, мам, именно об этом я сейчас и мечтаю».

Ночной клуб оказался именно таким, каким Лана его представляла: многолюдным, шумным и неудобным. По крайней мере, лично для нее. Ее спутницы же ринулись на танцпол с таким восторгом, будто увидели там английскую королеву. Они бывали в клубах не так часто, как хотелось бы, и все в них выдавало новичков: неловкий флирт с охранниками на входе (зачем?), неуместная экзальтация, чересчур откровенные телодвижения, кричащий внешний вид. Завсегдатаев Лана, несмотря на неопытность, отличила сразу: в основном одетые совершенно обычно, они вальяжно расположились за столиками и у барной стойки.

«Вот она где, настоящая золотая молодежь. Та девушка, болтающая с барменом – думаешь, она выглядит невзрачно? Да я бы за ее часы Родину продала! Знаешь, сколько они стоят? Где-то около...». – «Если честно, мам, мне это безразлично. Я здесь, потому что обещала

тете Любе присмотреть за Ниной. Ладно, в какой-то момент мне и самой стало немного любопытно, но теперь все, хочу домой. Сейчас, полчаса для приличия... Кстати, можешь мной гордиться – я выгляжу почти как завсегдатай. За эти джинсы с кофтой я заплатила меньше тысячи рублей в сумме, ну и что? Никто об этом не знает!» – «О боги, не смей!»

– Где же нормальные парни? Кто выпьет со мной текилу? – озабочилась в это время Нина. Щелкнув зажигалкой, она закурила прямо на танцполе – верх роскоши.

– Почему именно текилу? – с трудом расслышав ее сквозь грохот музыки, проорала Нине на ухо Лана (почему именно парни, решила не уточнять).

– Мне восемнадцать, а я ни разу не пила текилу! – Именинница воздела руки к потолку, то ли с негодованием призывая небеса в свидетели, то ли моля их исправить ситуацию.

– Хотим текилы! – взвизгнула одна из подружек. Лана видела их всех по несколько раз, но даже не пыталась запоминать имена – все равно подружки были одинаковые, как близняшки: размалеванные, глупые и ошеломляюще распущенные. Сама Нина на их фоне выглядела просто монашкой.

«Очевидно, ее тянет именно к таким людям. Но зачем ей здесь я?» – «Не нуди, развлекайся». – «Так, хорошо. Я обещала себе – полчаса»...

...Время течет медленно как никогда. Пожалуй, Дима был прав – иногда оно может и замедлить ход. При мысли о Диме Лана почему-то чувствует смутное беспокойство.

– Ты пить будешь? – спрашивает Нина, наклоняясь к ней так близко, что запах новых духов все же ощущается – правда, сквозь плотную завесу сигаретного тумана. Этот туман окутывает не только Нину, но и весь танцпол – от этого у Ланы слегка плывет перед глазами, или она немного запьянела?

Вроде бы не отвечала «да», а уже сидит с компанией за столиком и пьет текилу, горькую на вкус, дерущую горло. Безнадежно оглядывается – зацепиться здесь не за что. Ладно. Еще немного, еще чуть-чуть. Она должна присмотреть за Ниной, – но разве восемнадцатилетняя девица не справится без ее надзора?.. Надо заранее позаботиться о деньгах, чтобы не забыть потом.

– Платить сразу или после? – кричит Лана Нине.

Та обрывает болтовню с подружкой и недоуменно оборачивается к ней. Взгляд бессмысленный, уже слегка «расфокусированный».

– Чего?

– Деньги, деньги. – Лана достает из сумочки кошелек и тычет в него пальцем, с раздражением ощущая себя иностранкой на этой встрече соотечественников.

– А. – Нина машет рукой и что-то сумбурно поясняет. С третьего раза Лана понимает, что именно: первая порция напитков укладывается в стоимость заказанного столика.

Правда, через несколько минут выясняется, что именинница и ее подруги хотят выпить еще – похоже, теперь уже за чужой счет. Маша (Катя? Наташа?) выскакивает из-за столика, хватая за руку незнакомого (разумеется) загорелого парня с модной стрижкой, смотрит влюбленными глазами, щебечет. Послушав ее немного с интересом, он кивает, присаживается за их столик и кричит бармену:

– Абсент, шесть порций!

Лана не пробовала абсент – до сих пор она даже не была уверена, что это алкогольный напиток. Ну ладно, алкоголь так алкоголь. Это внезапно перестает ее волновать. Легкая обреченная усталость внезапно сменяется чудовищным ощущением необратимости – как за две секунды до землетрясения. Чья-то рука будто сдавливает ее изнутри. Всплывает неожиданное воспоминание – она готовит ужин, Дима сидит рядом на табуретке, они смеются над «предсказаниями» книги о комнатных растениях... Приятно до боли, даже ноет в груди слегка. Вот же где ей было хорошо, вот куда она сейчас хочет... теперь это позади и, кажется, никогда больше

не повторится, потому что... Она теряет мысль – образ матери настойчиво шепчет: «Обернись, обернись, ну скорее...». И она оборачивается.

Все внутри вспыхивает разноцветными огнями – маленький персональный фейерверк. Она еще оглушена, не понимает, что произошло. Этому нет ни одного подходящего описания. Зато «мать» подбирает слова элементарно: «Видишь, это бывает не только в кино – я так твоего отца встретила! Смотри-смотри, разгляди хорошенько, только шею не сверни. Правда же, он хорошенький? Правда же, он лучше всех в этом клубе? В этом городе? В этом мире??» Лана не знает, лучший он или нет, хотя до нее резко доходит суть выражения «сошелся клином белый свет». Свет в данном случае не белый, а мерцающе-голубой, но для нее высвечивает почему-то лишь его фигуру – остальные тонут во тьме, просто меркнут. Какое ей теперь до них дело.

А он... у него темно-карие, почти черные глаза – немного мутные, пьяные, а может, он и под кайфом, как знать. Профиль почти идеален, нос лишь слегка заострен, но форма интересная, да просто замечательная. На тонких губах – насмешливая полуулыбочка (едкая, как у отрицательных героев в мультиках, добавляет про себя Лана). Что его так забавляет? Он смотрит в ее сторону, но, увы, не на нее – это точно. Она продолжает изучать его, впитывая каждую черточку, каждую деталь. Безупречный изгиб бровей. Смуглые руки с красивыми длинными пальцами. Стройная фигура. Синие джинсы, явно новые, без малейшего намека на потертость. Черный ремень с крупной блестящей серебряной пряжкой. Белоснежные кроссовки, шнурки на которых не завязаны, а легкомысленно заправлены внутрь, чтобы не мешались. Все это дико важно, жизненно важно... А потом он растворяется в толпе. Бармен поджигает напиток в стакане Ланы и кричит, что она должна выпить его залпом прямо сейчас. Лана опрокидывает в себя содержимое стакана (абсент?), у нее на глазах выступают слезы, внутри жжет, только вот от абсента ли? «Изгиб бровей, шнурки на кроссовках... оказывается, ты такая смешная, когда влюбляешься», – забавляется мать.

Как же много людей в этом клубе, как много извивающихся жарких тел, похожих лиц, взглядов, улыбок, голосов... Но его уже здесь нет – Лана бы почувствовала, если бы был. Может, он вышел в холл, а может и совсем ушел... но нет. Как же тогда, зачем?..

Лана выскальзывает из-за столика и проталкивается к выходу. У двери ее плеча касается чья-то рука – поглощенная мыслями, она вздрагивает от неожиданности. Это всего лишь Нина: лицо блестит от избытка тонального крема и мерцающей пудры, глаза – от выпитого алкоголя. Пухлые губы с размазавшейся малиновой помадой (уже с кем-то целовалась?) размыкаются и начинают шевелиться – кажется, она о чем-то спрашивает.

– А? – отзывается Лана рассеянно.

– Ты куда?? – повторяет Нина с недоумением.

– Воздухом подышать! – наугад брякает Лана.

– Отлично, я с тобой! – Нина достает сигарету. – Ничего, что там холодно, а верхняя одежда в гардеробе?

– Да нормально...

Весенний ветер леденяще касается разгоряченной кожи. Нина впивается губами в сигарету и втягивает дым с такой жадностью, будто это, по меньшей мере, эликсир вечной жизни. Потом она вроде бы опять что-то говорит: оживленный взгляд устремлен на Лану, а губы изгибаются то в усмешке, то в гримасе. Интересная, наверное, история. Жаль только, Лану она не волнует, потому что слева стоит он – тоже курит, болтает с другом, смеется – зубы ровные, белоснежные, как у киноактера.

– Не знаешь, кто это? – перебивая подругу, произносит Лана.

– Что? – переспрашивает та, озираясь. – Где? Вон тот? – Она кивает в сторону подростка лет пятнадцати с прической наподобие ирокеза. О-о, ну как можно быть такой глупой?!

– Да не этот, вон – брюнет в кожаной куртке, – старается как можно более сдержанно ответить Лана.

– А... мне кажется, я его уже видела.

– Значит, он здесь бывает?

– Я сама тут во второй раз, – нехотя признается Нина, выбрасывая окурок. – Хочешь, давай у барменов спросим.

– Как спрашивать будем?

– Ну, покажем на него.

– В такой толпе?

– Господи, сфотографируй его на телефон. Темно, правда, но у тебя же есть вспышка? Слушай, а на что тебе вообще этот парень?

– Понятия не имею, – выдыхает Лана. – Дашь сигарету?

– Что-о?! Ты же не куришь! – почему-то хохочет Нина.

Внутри поднимается волна досадливого раздражения. Зачем спрашивать, зачем так громко смеяться, неужели трудно просто выполнить просьбу?!

Сигарета – неизбежное зло, как микстура от кашля. Должна помочь – если не успокоиться, так хотя бы руки занять, не все же их в карманах джинсов держать, дешевых джинсов, он бы точно над ней смеялся, да, он никогда на нее не посмотрит. И все-таки он смотрит – в тот момент, когда Лана пытается зажечь сигарету, а огонь в очередной раз потухает от ветра. Окидывает ее фигуру оценивающим взглядом сверху вниз. Медлит еще пару секунд и отворачивается. Ну вот, так она и знала.

«Спокойно. Покури, вернись в клуб, подойди к зеркалу, приведи себя в порядок. Что значит „не захватила пудру и расческу“? Какая ты после этого девушка? И чем ты его покорять собираешься – знанием испанского?» – «Перестань, мам, я не собираюсь никого покорять. Я хочу просто расслабиться, как ты меня учила: выдохнуть и... больше об этом не думать! Хотя – как же можно? Это все равно что не обращать внимание на торнадо».

Лана не замечает, как выкуривает сигарету – всего лишь третью в ее жизни, первые две были еще в школе. Нет, она просчиталась, курение здесь не поможет. Нужны более радикальные меры. Например, поехать домой и лечь спать. Наутро выяснится, что все это было полупьяным бредом, она расскажет верной подруге Саше – подивятся, посмеются... Лана даже представляет, как будет описывать: «Знаешь, в какой-то момент мне показалось, что он центр вселенной, смысл всего, ответ на все вопросы... да-да, незнакомый парень, представляешь?»

...А потом она опять не вызывает такси, не едет домой и не ложится спать. Еще не время. Он и его приятель заканчивают курить и болтать и возвращаются в клуб. Через пару минут Лана с Ниной следуют за ними.

Глава 5

Черная кофта висела на спинке кресла и источала самый обычный запах сигаретного дыма. То же самое происходило с одеждой Ланы после любого более или менее длительного контакта с Ниной, так что ничего нового в этом не было. Тем не менее, каждый раз, проходя мимо кресла, она зачем-то украдкой вдыхала этот тяжелый, крепкий «аромат».

Днем они поболтали с Ниной в подъезде. Та выглядела сонной и слегка разбитой, но все время мечтательно улыбалась и блаженно-замедленным тоном, как наркоман после дозы, повторяла: «Было здо-орово...». Конечно – алкоголь, музыка, мальчишки.

– Надо еще сходить. – Это был пробный шар, пущенный Ланой без особой надежды – что обычно отвечают на такое, кроме «да, как-нибудь надо»? Но «как-нибудь» можно выпить кофе с хорошей знакомой, так и не вошедшей в разряд подруг, или посмотреть фильм, который тебе однажды посоветовали, или отнести в починку старые часы. Для судьбоносных встреч «как-нибудь» не годится. Сейчас или никогда.

Совершенно неожиданно для Ланы соседка ответила:

– Боялась предложить! Мы в выходные опять пойдем – думала, теперь уж без тебя...

– Почему же, – улыбнулась Лана (слишком натянутая, слишком светская улыбка, нужно учиться играть искуснее).

– Что, почему опять идем? – по-своему поняла ее Нина. – Потому что Маша вроде как замутила с Алексом, а он туда постоянно ходит.

Лана чуть было не спросила, кто эти люди, но вовремя вспомнила, что Маша – одна из подружек Нины. Открытым, однако, оставался вопрос с Алексом.

– Ну ты вообще... все пропустила, он вроде представлялся, – недовольно заметила Нина. – Алекс – тот, что угощал нас абсентом, а потом танцевал с Машей всю ночь и с ней уехал.

– Ого, – механически отозвалась Лана. Она совершенно не помнила, кто с кем уехал – было лишь смутное ощущение, что одной из длинноволосых блондинистых подружек не было в их ночном (впрочем, уже утреннем) такси.

– Память у тебя – ужас. Не так-то много и выпила, – произнесла Нина осуждающе (похоже, будто осуждала она Лану больше за последнее).

«Но то, что тебе нужно, ты запомнила отлично... правда, эх, было бы что запоминать. Разве только собственные эмоции – вызванные человеком, с которым ты так даже и не познакомилась. А как бы ты вела себя, если бы он подошел?.. Ну ладно, у тебя будет время подумать...». – «Нет, мам, я не хочу об этом думать». – «Нет, хочешь». – «Нет, не хочу. Это все просто с непривычки, от стресса. Новая обстановка, новые люди... давно у меня такого не было, вечно вращаюсь в привычном мирке, круг общения в основном не меняется, вот и переволновалась. Отвлекусь, забудется – жизнь-то идет. Завтра к Диминой маме на блинчики...».

Последний факт, внезапно всплывший в голове, не огорчал и не радовал Лану – скорее, вызывал едва ощутимую досаду. Сейчас – какие-то блинчики? Это... странно. Но главное – не думать о самом Диме, о том, как она поймает его влюбленный взгляд и опустит глаза, потому что... мечтает о парне из клуба? («Ага-а, «мечтает»? – «Нет, мам! Тебе показалось». – «Наконец-то призналась». – «Может, и не мечтаю. Зациклилась. Не знаю, как еще это назвать. Абсурд, да? Конечно, абсурд! По крайней мере, для разумного человека. К черту все, нужно просто увидеть его еще раз и удостовериться в том, что он мне не нужен. А потом все опять станет хорошо и спокойно». Так утешает себя заболевший: ничего-ничего, скоро снова буду на ногах...).

– Короче, ты с нами в клуб, – попытожила Нина. – Это круто. Я говорила, тебе понравится. Я же была права? Ну, скажи, права?

– Да, да, права, – усмехнулась Лана. «Мать» промолчала, но очень выразительно.

...«Перемотать». Это слово прочно засело у нее в мыслях, и она то и дело повторяла его про себя с упрямой надеждой, как молитву. Время просто обязано было бежать быстрее – чтобы она наконец встретила его, разочаровалась и вернулась к нормальной жизни, без навязчивых мыслей, без учащенного сердцебиения. Вместо этого оно ползло как черепаха, со скрипом протаскивая ее через все препятствия, все бессмысленно-тяжелые разговоры.

– Милая, тебе надо отдохнуть. Ты выглядишь такой замученной. – Дима.

– Опять голова болит? Бедная, да что ж с тобой творится? – Вера с Мишей.

– На тебе лица нет. Поверь мне, тот парень в любом случае не стоит таких нервов. Клубные мальчишки все одинаково пустые, ты же знаешь. – Саша.

Можно подумать, Лана специально от нечего делать размышляла об этом незнакомце. Просто его образ гвоздем торчал у нее в голове: темные глаза, профиль, движения, то, как он подносит сигарету ко рту, как улыбается...

Всю пятницу у нее дрожали руки – это было необычно, ведь она даже не осознавала, что нервничает. Невнятные мысли, вопросы без ответа спутались в плотный клубок, от которого было немного трудно дышать. Да и все.

«Ну, давай поговорим. Чего ты так боишься? Не увидать его? Не понравиться ему?» – «Господи. Я боюсь о нем думать. Я теряюсь, мне плохо. Мам, помоги». – «Да встретишь ты его завтра». – «Что? – Лана чуть не разрезала себе палец вместе с зеленью. – Как ты думаешь, мне это нужно?» – «Что тебе действительно нужно – так это уверенность. А то накрутишь себя, как в прошлый раз: он на меня не посмотрит, будет смеяться... Эти мысли только мешают. А знаешь... давай-ка заканчивай готовить и бегом по магазинам. Как это „зачем“? Выбирать одежду и косметику! И обувь – на каблуках!»

Лана обрадовано уцепилась за эту мысль: она предвещала хоть что-то новое, какое-то действие. Пусть даже ей никогда особенно не нравилось ходить по магазинам. С трудом заставив себя дожарить мясо, она сжевала кусок прямо из сковороды, заев его салатом (уйди она не поужинав, Вера с Мишей заподозрили бы неладное). С таким же успехом, впрочем, она могла бы есть и бумагу – вкуса все равно не почувствовала.

Впервые в жизни Лана мчалась к торговому центру как на крыльях. Нырнула в чужой для себя мир – куча бутиков, везде яркие вещи, распродажи, девушки мечутся между стендами, набирая тряпки в таком количестве, будто только что прибыли в командировку на год, а весь багаж по ошибке улетел в Гонолулу. Ощущение было как в клубе: у них своя тусовка, отлично, а она-то что тут забыла? Но – выдохнула, пересчитала на всякий случай деньги, отложенные когда-то на черный день, и отправилась в маленькое путешествие.

Через пару долгих часов Лана оказалась «на воле» (именно так она это воспринимала) – с кучей пакетов и пустым кошельком. Еще никогда она не тратила столько денег за раз, но к чувству вины примешивалось удовлетворение: уж теперь-то она будет выглядеть на все сто. «Увидит ли это ОН – неважно», – слегка (или не слегка) лукавя, добавила девушка про себя.

– Ничего себе! И куда ты все это поставишь? Подоконник-то не резиновый! – Заметив в руках племянницы массивные пакеты, Вера решила, что та накупила новых комнатных растений в горшках.

– Это не то, что ты думаешь, – улыбнулась Лана, извлекая на свет божий пару лакированных сапожек.

– Ух! – вырвалось у Веры.

– Не нравится?

– Почему нет... просто они немного не в твоём стиле... и каблук такой...

– Мне захотелось купить.

– Захотелось – хорошо... слушай, а с теми твоими что случилось?

– Ничего. Я подумала, мне нужны еще одни.

- М-м. Понятно. Что в остальных пакетах?
- Одежда и косметика.
- Столько?! – Тетя даже отпрянула от неожиданности. – Все свои деньги потратила?!
- Ничего, еще подработаю. Решилась имидж сменить.
- Так внезапно. Неужели Дима намекнул, что ты недостаточно эффектно выглядишь?

Не верю, он не такой.

Лана еле заметно хмыкнула. Дима-то, конечно, не такой. Он не обратил бы внимания, даже если бы она целый год носила лохмотья. С такими мужьями как он жены себя и запускают: ходят дома в засаленном халате и с хвостиком, зная, что их любят за внутреннюю красоту. Не в обиду ему будет сказано. Вернее, подумано.

Она встала перед зеркалом в новом обтягивающем платье чуть выше колена, оглядела себя со всех сторон – как и накануне в примерочной, изъянов не обнаружила. Обновка выглядела сдержанно, элегантно, дорого – и, в ее понимании, как раз подходила для ночного клуба. «Что скажут Вера с Мишей, когда я объявлю им, что опять иду в клуб? Они подумают, я стала пустышкой, которую заботят только шмотки и развлечения. Будут во мне разочарованы. Объяснить все как есть? Вот прямо сегодня, за чаем? „Знаете, во мне ничего не изменилось, я та же Лана, и все, что мне нужно в этом клубе – просто снова увидеть одного человека и успокоиться?“ Но... ради того, чтобы мельком посмотреть на кого-то и забыть, не обновляют гардероб и не тратят последние деньги на дорогую косметику. Так может, я обманываю саму себя? И мне нужно не только увидеть его, но и покорить? Или даже... соблазнить?»

Это было настолько абсурдно, что она заулыбалась. То не зная, встретит ли его еще хоть раз в жизни (при мысли, что нет, внутри будто образовывалась черная воронка), то размышлять о том, чтобы соблазнить его... надуманный, по сути, персонаж. Но куда более реальный, чем все остальное в ее жизни.

Глава 6

Нина стояла в подъезде – с красным, опухшим от слез лицом и в кои-то веки без сигареты. – Ненавижу! Не-на-ви-жу! – повторяла она дрожащим голосом. – Все настроение испортила! Так хорошо было, а она...

– А ну прекращай жаловаться! – приоткрыв дверь, прогремела тетя Люба. – Ланочка, ты представляешь?! Клялась мне, что бросила курить, сегодня с утра решила ей погладить джинсы, она же вечно в мятом ходит, а в кармане – пачка! Еще врать пыталась, что сигареты давнишние – я-то помню, что стирала джинсы три дня назад, и уж точно не вместе с пачкой!

– Уйди! Дай поговорить! – визгливо взорвалась Нина. – Мне восемнадцать лет – сколько можно нудеть?!

– Если такая взрослая, сама стирай и гладь себе одежду! – не осталась в долгу мать. – И на сигареты свои сама зарабатывай, больше ни копейки не дам!

Дверь захлопнулась, и Нина сквозь зубы процедила ругательство.

– Когда уже я буду жить одна? Надо скорее найти нормального парня и съехать от этой истерички!

– Не повезет же тому парню! – Голова тети Любы снова высунулась из дверного проема – оказывается, она успела все услышать, и ругательство, возможно, тоже. – Ты же ничего по дому делать не умеешь, руки из одного места растут! Он и за учебу твою будет платить?

– На *** мне не нужна твоя учеба!

На сей раз мать точно услышала – и не только она, но и целый подъезд.

– Ну-у, совсем распустилась. Сопли утри и домой давай, ты пропылесосить должна. – Бросив извиняющийся взгляд на Лану, тетя Люба скрылась в квартире.

– Видишь, какие классные выходные она мне устроила, – обернувшись к Лане, всхлипнула Нина. – И никаких теперь клубов...

– А сбежать не хочешь? Ты же так делала. – Лана была не то чтобы разочарована – скорее, прибита, как говорят – будто пыльным мешком по голове. Однако пока клубы пыли не заволокли сознание окончательно, она все еще пыталась выкарабкаться. Это было нечто вроде инстинкта: борись до последнего, а потом уже умри.

– Можно бы, но настроя все равно нет после этой ругани. В другой раз как-нибудь... – протянула Нина. Вот она сегодня бороться ни с кем и ни за что не собиралась. Поставила крест на этом дне.

– А твоя... Маша пойдет? – механически спросила Лана. Почему-то вспомнилось свежее выглаженное платье в шкафу – то самое, элегантное и сдержанное, как раз для клуба. А обувь на каблуке зачем было покупать? Глупо, глупо. «Ладно, погоди, еще не вечер. Не сдавайся». – «Безнадежно, мам, я знаю. Не судьба. Да все равно бы не увиделись. И зачем...» – «О-о, пошла философия».

– Что ты говоришь? Маша? – Нина полезла было в карман, но, вспомнив, что сигарет там нет, с досадой поморщилась – слезы уже вроде бы иссякли. – Ну, она-то должна, у нее же там этот... Алекс. Остальные так и не собрались. По-дурацки все вышло. Давай в следующую субботу попробуем.

Следующая суббота? Еще неделя полужизни, едва ползущих минут, пустых разговоров, тяжелых мыслей... А если потом – разочарование? Нет, лучше сейчас, даже разочароваться лучше сейчас. Быстрее получится все забыть.

– Надо же, а меня, на удивление, прямо тянет в клуб! Вряд ли это настроение вернется, – заговорила Лана с непринужденной улыбкой. Сменила тактику.

– Травишь меня, да? – буркнула Нина и снова потянулась за мифической сигаретой. – Нет чтобы утешить...

– Извини, солнце... слушай, может, мне с Ната... Машей тогда пойти?

– М-м... ну, она с Алексом и его друзьями... хочешь с ними?

– Можно. Не терпится снова потанцевать.

– Наконец хоть что-то человеческое в тебе проснулось. А то все учеба, растения... О`кей, если тебе нужна компания, я ей позвоню, спрошу, как она на это смотрит.

– Позвони, пожалуйста.

«С незнакомыми людьми ради незнакомого человека. Браво. Что я делаю?» Ленивое изумление (на более активное не хватило бы с душевных сил), которое Лана вызвала у самой себя, граничило чуть ли не с восхищением: ничего себе, как я могу, оказывается. Накануне хладнокровно соврала Вере с Мишей, что будет ночевать у Саши. Не смогла только заставить себя посмотреть им в глаза. И был дикий соблазн как-то обелить себя – на самом деле съездить к лучшей подруге, что ли. Не привыкла Лана говорить самым близким людям то, что не имеет ничего общего с правдой. Но такой правды они бы не поняли. И ведь ужасно, что поверили – с улыбкой пожелали племяннице приятного вечера, передали привет Саше... От одной мысли об этом у Ланы засосало под ложечкой.

– Пойдете вдвоем, – уныло констатировала Нина, пряча телефон обратно в карман джинсов. – Маша встретится со всеми уже в клубе. Она сказала, вы с ней могли бы увидаться у супермаркета. Ну, как в ту субботу.

«А, точно, алкоголь. Зачем же еще супермаркет. Расслабиться, отвлечься? Наверное, сейчас это как раз то, что нужно. Просто чтобы... не лопнуть».

... – Так сойдет? – Маша распахнула пальто, вызвав у Ланы ассоциации с эксгибиционистами. Сходство было еще и в том, что под пальто практически ничего не оказалось: совершенно прозрачная кофта, надетая на весьма открытый бюстгальтер, и крошечные шортики – на капроновые колготки.

– Зачем было вообще одеваться? – усмехнулась Лана.

– А что, не нравится? Ну, я и не для тебя старалась. – Это было не стремление обидеть – скорее, простодушная откровенность. Лана спокойно ее проглотила, запив горьковатым и пенистым, как шампунь, коктейлем.

– Правда же, он супер? Я влюблена по уши! – с упоением продолжала Маша. – Нет, классный, а?

Вероятно, речь шла об Алексе, но Лана помнила только то, что он блондин, поэтому кивнула довольно сдержанно.

Вошедшая во двор немолодая женщина неодобрительно покосилась на сильно накрашенную Машу с сигаретой в одной руке и банкой коктейля в другой. Потом перевела взор на Лану и, ничем не утешившись, отвернулась. Лана вспомнила неотесанных парней с пивом у них во дворе – по поводу них вечно возмущалась тетя Люба. «Вот уж не думала, что окажусь на их месте... ну, почти... смертельно скучно, в голове слегка шумит, и я все время спотыкаюсь на этих каблуках... стоит оно того или нет?»

– Ты тоже покажи, как оделась, – потребовала Маша. – Сапожки, кстати, крутые. И макияж.

– Спасибо.

– Ого-о, и платье очень даже. Наверное, кого-нибудь себе найдешь. У тебя парень есть?

– Да. Жених. – Лана редко произносила это слово даже мысленно, но сейчас почему-то захотелось. Может, стоило напомнить себе, что у нее много чего есть, помимо воображаемого возлюбленного и образа матери – только они и заполняли ее сознание всю последнюю неделю.

– Жени-их? – хохотнула Маша. – Ты крута. И что ж тебе тогда в клубе ловить?

– Танцевать хочу.

– Запишись в танцевальную студию. – А вот здесь уже сквозила враждебность.

– Что-то не так? – осведомилась Лана.

– Просто не понимаю тебя. Если бы у меня был жених, я бы никуда без него не ходила, тем более в клуб... – Ясно. Зависть. – Видно, тебе с ним чего-то не хватает? – Не дожидаясь ответа – будто бы он был очевиден, – Маша достала очередную сигарету. – Курить будешь?

Лана машинально помотала головой.

– Нинка сказала, ты курила в ту субботу... Жаль, она с нами не пошла.

– Ага. – Лана потрясла своей банкой с коктейлем, – та была уже совсем легкой, только на дне что-то заплескалось. Ничего себе, почти все выпила. Ладно, сегодня можно.

«Ты ведь увидишь его. Совсем скоро». Это было даже не предчувствие, а внезапно накатившее осознание. Да, он будет там, непременно! Скорее, скорее туда! «Ну-ну, не торопись, потерпи еще чуть-чуть. Время идет только вперед, ты ведь сама говорила». – «Честно говоря, мама, я все больше в этом сомневаюсь...».

Глава 7

И вот – дотерпела. Огни танцпола встречают Лану как родную. Она еще не видела его, но отчего-то ей уже хорошо. С нежной улыбкой она наблюдает, как Маша бросается на шею к высокому блондину (умудрилась еще узнать его, он ведь похож здесь на каждого первого: узкие джинсы, футболка с огромным принтом, прилизанные гелем волосы...). Атмосфера, которая раздражала ее еще недавно, теперь умиротворяет – Лана растворяется в ней, танцует, поддавшись ритму и настроению, ей все равно, что Маша с Алексом почти сразу исчезли. Может, сели за столик к одному из его друзей-завсегдатаев... или решили уединиться где-нибудь...

А вот и он. Она даже не удивляется (только шепчет про себя кому-то «спасибо»): знала это, почувствовала с порога, мучительное черно-белое кино уже стало цветным – так органично, и не верится, что было иначе. Как она могла сомневаться?.. Все, забыли. Шоу начинается.

Он курит у барной стойки, болтает с приятелем, уже не с тем, что был в прошлый раз. Кажется, не с тем. Все эти мажоры одинаковые, один он – уникальный, ослепительный, даже глаза почти болят, когда на него смотришь. «Особенно губительны прямые солнечные лучи» – откуда эта фраза, почему вертится сейчас в голове? Да нет, она не влюбилась в него, ей просто хочется согреться в этих лучах... или сгореть?..

Но что это за девушка – легкая, стройная, с распущенными темными волосами чуть ниже плеч – порхает к нему, обнимает за талию, шепчет на ухо... а он прижимает ее к себе – легонько, на секунду, – отпускает и усмехается, Лана уже видела у него эту едкую ухмылку. Девушка не спешит отходить, все стоит и оживленно разговаривает – то с ним, то с его приятелем, но исподтишка-то поглядывает только на НЕГО, неудивительно, как тут удержаться. Она придвигается к нему почти вплотную, такая свободная, такая развязная в своем черном топе без бретелек – Лана бы такой никогда не надела, а теперь думает, что зря. И вообще, чего бы она сейчас не сделала, чтобы быть похожей на эту девушку. Солярий? Хищный маникюр? Пластическая операция? Почему бы нет!

«Стоп, стоп. А ты так и собираешься танцевать в стороне? Это шикарное платье, эти умопомрачительные сапоги – разве не для того, чтобы ему понравиться?» – «Ох, мам...» – «Так чего ты ждешь? Обрати на себя его внимание! Он тебя точно оценит!» – «Ты права. Ладно. Но сначала нужно...»

Бармен у стойки окидывает Лану странным взглядом – будто у нее на лбу написано, что она во второй раз в жизни пришла в ночной клуб и впервые сама заказывает алкоголь. А может, он просто плохо ее расслышал?

– Виски с колой! – кричит она на всякий случай еще раз.

Крепко, конечно, но подойдет. Бармен подает ей наполненный почти до краев стакан, льда тоже не пожалел – его так много, что из него можно было бы сделать компресс, и не один. Стоит Лане поднести стакан к губам, кто-то внезапно дергает ее за рукав – она вздрагивает, чуть все не пролив.

– Приве-ет! – орет ей в ухо парень, и она даже радуется в первую секунду – здорово, знакомого встретила, – но выясняется, что она видит его впервые. Знакомый, ага, наивная.

– Скучаешь? – снова громко обращается он к ней.

Не-ет, это актер другого шоу. Он перепутал место съемок, ему надо уйти. Лана мотает головой и отворачивается, но парню этого недостаточно: он ничего не смыслит в кино, не смущается своей неуместности и твердо вознамерился познакомиться – чем ближе, тем лучше.

– Одна пришла? – продолжает сыпать банальностями он.

Лана не отвечает, выискивая ЕГО взглядом в толпе: надо же, он точно здесь, по ощущениям – совсем близко, а она упустила его, всего-то на минуту отвлеклась... и девицы в черном топе нигде не видно, неужто уединились, как Маша с Алексом?! Господи, они ведь просто болтали, с какой стати?.. К тому же, сердце так колотится – да нет, он рядом где-то, почти за ее спиной, может даже... смотрит на нее?!

– О-опаньки, кого я вижу! Здорово!

Внутри все радостно сжимается и так же резко, как пружина, разжимается: это он. Подходит не к ней, конечно, а к тому парню, что пытался к ней «подкатить». Они одновременно и обнимаются, и пожимают друг другу руки – ну о-очень рады встрече, – а потом он, разумеется, переводит взгляд на нее. Тот же взгляд, оценивающий – забыл, видно, что в прошлую субботу уже оценивал. В этот раз увиденное нравится ему явно больше.

– Общаетесь? – не отрывая от Ланы глаз, спрашивает он у друга.

– Да не хочет общаться девушка, красивая такая – надеюсь, хоть ты разговоришь, – отзывается тот, одарив Лану торжествующей улыбкой – никуда, мол, не денешься. А она уже и не хочет деваться.

Он все смотрит и смотрит – прежде чем обращается к ней, она успевает незаметно поправить платье, побарабанить пальцами по барной стойке, взять стакан, отпить глоток ледяной жидкости и даже поворошить трубочкой кубики льда.

– Привет, – наконец произносит он, и Вселенная обрушивается на нее золотым дождем. Он с ней заговорил. Сам. Впрочем, и тут иначе быть не могло. Все, что сейчас происходит, было predetermined. Не зря ее ломало целую неделю.

– Приве-ет! – пожалуй, излишне задорно, точно ведущая утреннего телешоу, кричит Лана.

Наверное, сильно бросается в глаза контраст: как она общалась с его другом и как с ним... ну и что? Она пришла на танцы, отдыхает и болтает с кем хочет. А с кем не хочет – не болтает. Вот и весь секрет.

– Тебя как зовут? – спрашивает он.

– Милана.

– Что? – Он слегка наклоняется к ней, и в ее в голове почти одновременно проносятся две мысли: «Как классно от него пахнет...» и «Зачем я назвала полное имя? Тысячу лет так не делала...». Она привыкла считать свое имя вычурным – возможно, потому что так считали Вера с Мишей – и мало кому его называла. Даже Нина не подозревала, что ее соседку зовут не Светлана. А сейчас – выпендриться захотелось, что ли? Или это была, как у Маши, просто-душная откровенность – как есть, мол, говорю, скрывать мне нечего? Смешно. «Не анализируй. Не время». – «Справедливо».

– Милана! – отчетливо повторяет Лана ему на ухо, замечая у него на мочке уха почти заросший прокол – неужели носил серьгу? Она не может даже понять, нравится ей это или нет – то ли круто и гламурно, то ли, наоборот, не по-мужски. В любом случае, его выбор.

– Ничего себе, – ухмыляется он. – А я Денис. Можно просто Дэн. Это мой друг Олег.

– Вот и познакомились, – вставляет довольный Олег, хотя на него Лана даже не смотрит. Ладно уж, пусть будет второстепенным героем, если ему так хочется, но не лезет в кадр лишний раз.

– Виски? – с видом знатока осведомляется Денис (какое красивое, необычное имя, емкое и раскусывается как ириска – Де-нис, лучше, чем Дэн).

Лана кивает, снова с чрезмерной готовностью, как если бы рекламировала виски и собиралась уговорить его на дегустацию. Но он не соблазняется:

– Здесь алкоголь не очень. Я знаю, где получше. – Слегка теребит место прокола на ухе – очевидно, привык трогать сережку. Это напоминает Нинины поиски несуществующих сигарет по карманам, и Лана усмехается.

– Что ты? Что смешного? – настороженно реагирует Денис. Не сводит с нее цепкого взгляда, будто она рыба на его крючке – не вытянул еще, не дай Бог, сорвется. Хорошо, правильно. Хоть бы только руки перестали дрожать.

– Ничего. Все отлично, – уверяет она. – Где, говоришь, алкоголь получше?

– Ну, знаю я одно место. Поехали? Олег, ты с нами?

– Да не вопрос, – с энтузиазмом откликается друг.

– Тогда я вызываю такси. – Денис пристально смотрит в глаза Лане (она вроде бы не отвечала согласием, он все решил за нее, но она уже осознает, что не откажется, слишком пьянит ощущение свободы и предвкушение нескольких часов в его обществе) и... скрывается в толпе. «Не надо. Не уходи». Она цепляется за него взором, магнит тянет следом, но Лана, ухватившись обеими руками за барную стойку, удерживается на месте.

Олег подмигивает ей, бормочет что-то вроде «увидимся, красотка» и уходит тоже. Ей вроде как не положено их преследовать. И зачем, если они все равно вот-вот уедут вместе... Крошечный червячок сомнения: или это была шутка?.. Может, он вообще забудет, что приглашал ее, девушку с плохим виски и странным именем, которая постоянно улыбалась и вела себя как восторженная школьница? Ладно, ладно...

– Ты здесь! Я тебя обыскала! – К Лане подсакивает Маша – она уже еле держится на ногах, в глазах пьяный блеск, на губах шальная улыбочка. На капроновых колготках – упс! – стрелка, сказать ей? Да ей, похоже, уже до лампочки.

– Подходила ведь к стойке, но с другой стороны – тебя не видела, – бормочет Маша.

Лана залпом допивает виски – о-ох, как обжигает изнутри! – и заявляет:

– Я сейчас уеду!

– Как? Уже? – широко распахивает глаза Маша.

Лана вдруг вспоминает, сколько раз в жизни ей приходилось слышать – на праздниках, на школьных дискотеках, на дружеских сборищах – это недоуменное «уже?!», в котором чудилась и нотка снисходительности. Мол, маленьким девочкам пора домой, а взрослые повеселятся на всю катушку, до утра. Потом ей в восторге рассказывали, как кто-то напился в хлам и к кому-то приставал, а она убеждалась, что ничего не пропустила...

Она обычно старалась не возвращаться поздно: знала – Вера с Мишей волнуются и не могут заснуть. К вечеринкам в их семье относились скептически, и уделять им большое внимание было бы так же нелепо, как играть в песочнице в осознанном возрасте. Но вот Лане двадцать – вроде бы запретам, даже если бы они и были (а их не было), пора потерять силу, – она в ночном клубе, откуда собирается уехать отнюдь не в одиннадцать и явно не домой. А дядя с тетей думают, что она у подруги... Наивная, детская ложь – так врут только в шестнадцать. Да и ехать непонятно с кем непонятно куда – тоже поступок не слишком взрослый. Лана привыкла быть рассудительной и, что уж там, немного свысока взирать на тех, кому этого качества не хватало. Но в глубине души не мечтала ли она все это время поменяться местами с ними, безбашенными, непоседливыми, не думающими о последствиях? Может, в этом есть своя прелесть, а она, умная, отщипнет от такой жизни лишь кусочек – ровно столько, сколько ей нужно? Чтобы потом опять встать на свой путь, но уже зная, что ничего в этой жизни не упустила?..

Эта мысль вдохновляет и поднимает Лану в собственных глазах. Она улыбается Маше мило и лучезарно, как лучшей подруге:

– Я кое с кем познакомилась.

Целых пару мгновений Лана почти боится, что Маша рассмеется или переспросит: «Ты-то?! Да ладно!», но она просто произносит:

– О-о, с кем же?

– Его зовут Денис.

Лана раскрывает заветное имя, надеясь, что Маша сможет что-то рассказать о ее прекрасном новом знакомом. Но в ее пьяном взгляде не отражается ровным счетом ничего – откровенность Ланы пропала зря, ну не беда.

Внезапно подошедший сзади блондин (ага, Алекс, точно) с веселым смехом обхватывает Машу за бедра и прижимает к себе. Охнув и издав то ли восторженный, то ли удивленный возглас, она оборачивается и дарит ему жадный поцелуй, уместный скорее в спальне, чем на глазах у сотни людей. Даже если ту сотню уже ничем не удивишь.

– Она нас покидает! – громко сообщает Маша, показывая на Лану.

Алекс качает головой – можно подумать, для него это огромная потеря.

– Уезжает с парнем! – уточняет Маша – будто это усугубляет вину «предательницы».

– С кем? – интересуется Алекс.

– С каким-то Денисом...

Маша ластится к нему, целует в шею. Рассеянно глядя ее по голове, он обращается к Лане:

– Это, случайно, не тот Денис, что с серьгой в левом ухе?

– Кажется, он ее вынул, – почему-то виновато говорит та.

– Да? М-м. – Алекс озирается. – Он здесь?

– Нет. Отошел. Может, на улицу...

– Как выглядит-то?

– Отлично.

– Что?

– А, ну как... Смуглый высокий brunet, очень темно-карие глаза. Одет в белую футболку, джинсы и кроссовки. – Описание получается безликим, Лане хочется добавить какую-нибудь изящную деталь, но сейчас это вряд ли уместно, да и в голову ничего не приходит.

– Не знаю, но, похоже, он самый. – Видимо, сочтя тему закрытой, Алекс переключается на Машу – прижав ее к барной стойке, начинает водить ладонями по ее телу. После такой – невольный каламбур – прилюдной прелюдии Лана постыдилась бы выходить из дома. А они, небось, через несколько дней в тот же клуб нагрянут.

– А кто он? – кричит Лана, почти не надеясь, что Алекс соблаговолит оторваться от своего занятия ради ответа. Но тот отвечает – коротко и четко:

– Бабник.

– Вот! Не изменяй жениху! – усмехается Маша, а Лане слышится: «Тебе, домашней девочке, этот крутой мачо не пара». Чушь. Откуда ей знать, что Лана «домашняя девочка» (она сама ненавидела это определение, но по сравнению с клубной тусовкой она, наверное, таковой и была)? «А твой мачо, который тебе пара, тебя не только бросит завтра, но и разболтает всей округе, что и как ты кричишь во время секса. Если, конечно, к тому времени у вас еще останутся какие-то секреты от общественности», – с неожиданной агрессией отвечает про себя Лана.

– Такси, пошли! – подойдя, орет ей прямо в ухо (в своей, видимо, обычной манере) Олег.

Алекса он, похоже, не знает или не узнает – рассеянно смотрит и отводит взор. Странно, тут разве не все друг с другом знакомы?.. Алекс все еще поглощен своеобразными ухаживаниями за своей дамой – как раз в тот момент, когда Лана намеревается попрощаться с ними обоими, он начинает скользить ладонью вниз по животу Маши, а она со стоном царапать под футболкой его спину. Лана решает, что эта парочка вполне обойдется без ее прощальных слов – нетерпеливый Олег за руку тянет ее сквозь тяжелую, плотную, дурманящую дымку, окутывающую танцпол. Денис стоит у выхода, уже в куртке.

– Ну наконец-то, – бормочет он, застегиваясь. В дверях проходит вперед (мог бы и пропустить ее, но она об этом не думает), проходит так близко, что Лана чувствует горьковатый запах его одеколона, который идеально подходит к натуре Дениса – немногословного, загадочного, самоуверенного. Он ведь такой, или ей показалось?

Глава 8

Лана старается не смотреть на Дениса, отвлечься хоть на секунду, и в результате отвлекается настолько, что забывает надеть пальто – взяв его в гардеробе, так и несет в руке. Благо на улице не холодно.

«Кажется, самое время спросить, куда мы едем», – вдруг спохватывается она.

– А куда мы? – Лана адресует этот вопрос обоим друзьям. Отвечает Денис:

– Не волнуйся, место правда отличное.

Наверное, она должна на этом успокоиться? Ну что ж, хорошо.

Маленькая заминка возле такси – снова никто не открывает перед ней дверцу, и на сей раз – забавно – она это замечает. Как будто чаще катается в автомобилях (да еще в галантном мужском обществе), чем проходит в двери.

– Что же ты, садись, – приобняв Лану, говорит Денис, и легкое недоумение сменяется восторгом. Его рука обвивает ее талию, он рядом с ней, весенний ветер играет с прядями ее волос, звездное небо над ними будто благословляет на сумасшедшие, но продиктованные чувствами (чем же еще) поступки... Весь этот слащавый, но на удивление притягательный бред в духе дешевых романов в мягкой обложке задурманивает Лане голову настолько, что она почти не замечает дороги.

Олег с Денисом расплачиваются поровну, вылезают из машины и закуривают. Лана щебечет водителю «спасибо, доброй ночи», пролезает, неуклюже согнувшись, в дверь, сразу же оступается на непривычно высоких каблуках и едва не падает. Разогнувшись, обнаруживает, что почти искупала в луже перекинутое через плечо пальто. На всякий случай надевает его. Ну все, теперь нормально, она прочно стоит на ногах. К счастью, никто из ее спутников не успевает заметить этот постыдный эпизод. «Похоже, я пьяна куда больше, чем думала. Впрочем, даже если так, что делать с этой информацией? Как же „продолжение банкета“? Ладно, выпью еще немного, должно влезть, а там посмотрим». Лана по-прежнему пытается не встречаться взглядом с Денисом, опускает голову, словно разглядывая что-то на земле, и не знает, куда деть руки. Нельзя же все время держать их в карманах.

– Можно тоже?.. – Она кивает на сигарету Олега.

– А, конечно, – улыбается тот, но Денис опережает его, протягивая ей пачку «Винстона»:

– Возьми мои.

Это что-то значит?

Лана вытягивает одну сигарету, он щелкает зажигалкой, она вдыхает дым. Эта цепочка действий напоминает ритуал. Она успевает посмотреть ему в глаза со смутной надеждой, но в этот момент он как раз глядит в другую сторону.

Тут только она спрашивает себя: «Где это мы? В каком-то дворе. Фонарей нет, людей, кроме нас – тоже. Странно».

– Я думала... – негромко начинает Лана, но почему-то голос выходит хриплым – она смущенно откашливается и повторяет:

– Я думала, мы в кафе или бар едем.

– Даже лучше. Это мой дом, – отзывается Денис, усмехаясь (кажется, он делает это постоянно).

Упс, после такого приличные девушки уносят ноги. К себе?.. Но она ведь сказала, что ночует у Саши. Саша ее не звала. Проскальзывает безумная мысль: Дима. В понедельник его мама сообщила, что уезжает в длительную командировку. Был бы на месте Димы другой парень, пригласил бы девушку к себе на выходные, но у них, слава Богу, не те отношения. Она не хочет об этом, нет, не сейчас.

– Ты задумчивая, красавица, – проявляет наблюдательность Олег. – Или грустная даже? Вот выпьем – развеселишься...

Ну да, у него все просто. А у нее – не очень.

– Я, наверное, домой поеду, – решается Лана.

Олег издает изумленно-возмущенный возглас, но она смотрит на Дениса: он ничего не произносит, только хмурится, потом выкидывает окурок и произносит «ладно тебе» устало и чуть раздраженно, будто ему каждый день приходится уламывать несговорчивых девиц, которые в итоге все равно сдаются – только время зря уходит. И опять – одна из тех «не таких», что изображают недотрог, а через час уже кувыркаются с ним в постели. Интересно, что бы он сказал, узнав, что она девственница?

– Правда, я поеду.

– О, да ты серьезно. – Во взгляде Дениса мелькает интерес. Так-то, не на ту попал.

– Да. Назови адрес, пожалуйста, я такси вызову, – чрезмерно прилежно, точно перво-классница, говорит Лана.

Она достает мобильник – на дисплее цифры 02:37. Никто не звонил, все спокойно. И Дима, наверное, уже десятый сон видит. Куда же ехать – к Саше? Или все-таки домой, тихо прокрасться мимо Веры с Мишей в свою комнату? Но они оба чутко спят...

У нее слегка плывет перед глазами. Неужели надо срочно что-то решать?

Он явно видит ее замешательство и молчит – ждет, когда плод созреет и упадет к нему в руки. Хм, а может, это было бы не так плохо. Вернулась бы как раз к утру. Не пришлось бы опять его отпускать. Выпили бы немного, поболтали... а дальше что? Даже представлять странно. Все как в тумане. То ли у нее бедная фантазия, то ли – а, да – она напилась.

– Ну, мы пошли. В баре ждет бутылка «Джек Дэниелс», – раскрывает он наугад один из козырей – не попадает, Лана не может вспомнить, что это за напиток: ликер, коньяк? Что-то знакомое. Зато Олег радуется:

– Наконец-то нормальный виски! Сто лет его не пил! Много теряешь, Мадлена.

– Я Милана. Лучше просто Лана. – Какой тупой парень, не в состоянии усвоить хоть и редкое, но вполне внятное имя из трех слогов. – Так какой адрес?

– Что, и телефончик не оставишь? – Олег пытается приобнять ее, но она отстраняется. Не-ет, этого еще не хватало.

– И правда. Телефон оставь. Как-нибудь пересечемся, – добавляет Денис, лукаво прищурившись. Ничего себе, она точно ему нравится. Это победа. Оператор, спасибо, на этом месте съемку можно остановить, ночь удалась. Но по необъяснимым причинам действие продолжается, декорации те же.

– Ну... – Лана еще не знает, что собирается сказать – от необходимости заканчивать фразу избавляет то, что ее внезапно шатает влево, она хватается за руку Дениса, а тот, произнеся «осторожнее», властно притягивает ее к себе и быстро целует в губы. Без всякой нежности, без страсти – просто так, будто отдавая должное. Уже через пару секунд она не может даже описать этот поцелуй – каким он был? Но неважно, ведь он был. И Лана способна целый том написать о своих ощущениях по поводу случившегося. Сентиментальность не к месту, но она вспоминает свой самый первый, самый будоражащий поцелуй – с одноклассником, слегка стеснительным, но милым парнем, который к тому времени нравился ей пару месяцев. Им было по четырнадцать, и потом они встречались еще полгода... Другие обстоятельства, другое настроение, а эмоции в чем-то схожи: я запомню это навсегда, о Боже, уж этого у меня теперь никто не отнимет.

– Так что, идешь с нами? – осведомляется Денис.

Очевидно, поцелуй и был его главным козырем. Однако он слишком явно это показал и слишком понадеялся на свою привлекательность. Впрочем, может и не зря – Лана одурма-

нена, она позволяет себе опять прижаться к нему, но лишь на секунду, чтобы одежда, кожа и волосы впитали его запах. После – вдыхать и вспоминать.

Денис небрежно обнимает ее и повторяет шепотом:

– Так что?

– Не могу, – так же ему на ухо отвечает Лана (в глаза ей опять бросается след от серьги, ей вдруг очень хочется прикоснуться к нему губами).

– Уверена? – Он легко проводит пальцами по ее волосам. Господи, еще чуть-чуть – и она сдастся.

«Не надо, погоди. Держи оборону, в следующий раз он будет нежнее и настойчивее. И не будет уже никакого Олега, только ты и он...» – приходит на помощь образ матери. «Следующий раз, мама? Он точно случится? А что именно случится? Я и он – что? Не молчи...»

– Ну как, уговорил? – Насмешливый голос Олега (с нотками недовольства – может, вызванного ревностью) выводит Лану из сладкого тумана грез.

– Нет. Но, думаю, мы еще увидимся, – улыбается Денис. – Итак, Мила...

Будто кто-то на секунду включил ледяной душ. Нет, ей уже снова тепло. Проехали. Она этого не слышала. Машинально поправляет:

– Милана. Лана.

– Итак, Милана, пока не оставишь номер телефона, не напомним адрес. Все честно.

– М-м... хорошо, – выдыхает она и диктует. Он утыкается в телефон.

– Угу, записал.

– А адрес?

– А? Ишь чего захотела. – Денис посмеивается. – Ладно, раз обещал, скажу. Запомнишь?

– Это зачем?

– Я думал, ты такси собираешься вызвать, но если однажды решишь заехать, я не буду против. Или даже не однажды.

Теперь они хохочут вдвоем с Олегом – по сути, над Ланой, она старается об этом не думать, улыбается тоже. Люди шутят, что тут такого.

– Интересно, в службах доставки такси нет какого-нибудь навигатора, определяющего местонахождение клиента? А то ведь бывает, позвонит пьяный, который и не знает, на какой улице валяется, – начинает умничать Олег, вид у него крайне недовольный. Номер-то свой Лана в итоге дала не ему. При желании и он мог бы записать – она говорила достаточно громко, – но его самолюбие уже уязвлено.

– А что, ты часто напивался до такого состояния? – поддевает приятеля Денис.

Олег огрызается – Лана не слышит, что именно он отвечает, потому что заказывает машину. А потом Денис наклоняется и шепчет ему несколько слов – это связано с ней и ее бы это не обрадовало. Как она это ощущает и почему – объяснить было бы сложно. Просто ощущает и все. Олег сразу веселеет: кивает, улыбка снова натягивается до ушей. «Скорее всего, Денис сказал что-то вроде «может, еще и кальяничик раскурим?» – пытается убедить себя Лана.

– Давай, до встречи, – бросает Денис и тут же отворачивается, будто забывая о ней. Вроде бы ее такси пока не приехало, ну да ладно, раз они так торопятся «раскурить кальяничик»...

– Пока, красавица, – мурлычет Олег.

Оба удаляются, оставляя ее одну во дворе, одну посреди ночного города. А она смотрит им вслед – не то мечтательно, не то осоловело.

Машина прибывает довольно быстро. Лана называет водителю свой домашний адрес (а куда еще ехать?) – язык слегка заплетается, расслабленные руки ее не слушаются, и она захлопывает дверцу только с третьего раза.

– Вам плохо? – спрашивает шофер не взволнованно – скорее, настороженно: видно же, что девушка напилась, ее, не дай Бог, тошнить начнет прямо в салоне. Лана угадывает его мысли, отчего ей вдруг становится весело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.